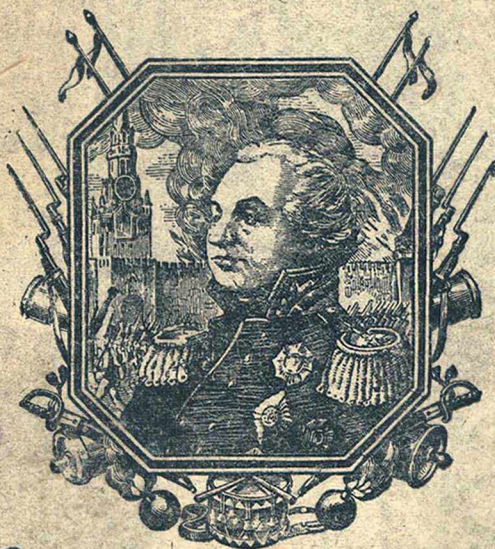

ВЕЛИКИЕ БОРЦЫ ЗА РУССКУЮ ЗЕМЛЮ

КУТУЗОВ

ЧИТИНСКАЯ
ОБЛАСТНАЯ
БИБЛИОТЕКА

ОГИЗ · ГОСПОЛИТ ИЗДАТ · 1943

26 НОЯ 1962

Подписано в печать 9 декабря 1943 г.
А4515. Тираж 250 000 экз. Заказ № 2806. Объем 1½ п. л. Цена 75 коп.
Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

9(c)/: 358
K 68

Проф. Н. М. Коробков

КУТУЗОВ

Фонд редких
книг

Библиотека

1944

1955

1950

2001

то тридцать лет назад Россия переживала страшную опасность. Император Франции Наполеон подчинил себе все государства Западной Европы и, изолировав Англию, приступил к завоеванию России. Готовясь к походу, Наполеон собрал невиданную в то время по численности армию. В её состав вошли не только французы, но и войска всех завоёванных им народов — немцев, поляков, голландцев, бельгийцев, итальянцев, даже испанцев. Вторжение этой «великой армии», как её называл Наполеон, осталось поэтому в памяти русского народа как «нашествие двенадцати языков».

Эту огромную, казавшуюся непобедимой силу Россия встретила в полном одиночестве. Она имела, правда, союзника в лице Англии, но помощь последней была незначительна и носила лишь экономический характер. Борьбу, таким образом, приходилось вести один на один.

2202
2012

44

Когда превосходящая силами армия Наполеона перешла русскую границу, стало очевидным, что русские войска не могут оказать ей активного сопротивления, так как оно могло повлечь за собой только уничтожение русской армии. Русская армия поэтому вынуждена была к отступлению. Рвавшийся вперёд враг захватывал всё новые и новые области. Население массами уходило вслед за отступающими войсками, увозя с собой всё, что можно, и истребляя то, чего нельзя было взять с собой.

Те, кто не успел уйти, испытывали ужасы вражеского нашествия. Реквизиции, приобретающие характер грабежа, мародёрство, насилия заставляли оставшихся в деревнях крестьян разбегаться и прятаться по лесам. Озлобленные унижением родины и жестокостями врага, они начали организовываться в партизанские отряды.

Страна требовала остановить врага. Но сил для этого было недостаточно.

В этот роковой момент взгляды русского народа обратились на Кутузова. Действительно, приняв на себя командование, он не только отразил врага, но и уничтожил его, превратив территорию, завоёванную Наполеоном, в могилу «великой армии». «22 августа¹, — писал в конце войны Кутузов своей семье, — застал я армию, скрывающуюся от неприятеля, а 6 декабря неприятель с бедными остатками бежит за границу нашу... Разумейте языцы и покоряйтесь...»

Русский народ достойно оценил подвиг Кутузова, назвав его спасителем России и навсегда сохранив о нём теплое воспоминание. И, конечно, правы были те из современников² этого мудрого полководца, которые говорили, что потомство «не преминет поставить его как спасителя отечества наряду с Пожарским, а как великого полководца — наряду с Суворовым».

Это общенародное признание выразилось и в учреждении в июле 1942 г. ордена Кутузова. В новой, ещё более грозной, Великой отечественной войне русского народа против

¹ Даты везде приводятся по старому стилю.

² Д. И. Бутурлин.

немецко-фашистских захватчиков имя, доблесть и мастерство славного полководца возродились с новой силой. Орден Кутузова был учреждён в тяжёлый момент временного отступления наших войск. В дни, когда враг углублялся в наши пределы, память о Кутузове, о его боевых делах вселяла в нас уверенность, что за этими днями великих жертв придут светлые дни побед. Переживая теперь радость очищения нашей страны от ига немецких захватчиков, мы понимаем восхищение и благодарность русского народа великому полководцу Кутузову, освободившему в 1812 г. страну от вторгнувшегося врага.

I

Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов родился 5 сентября 1745 г. в Петербурге. Один из его предков сражался в знаменитой Невской битве под знамёнами князя Александра. Отец его, Илларион Матвеевич, был выдающимся военным инженером и автором проекта Екатерининского канала в Петербурге.

Рано потеряв мать, Михаил Кутузов детство своё провёл у бабушки, помещицы Псковской губернии, и здесь, вблизи природы, в деревне, тесно сроднился с народным бытом и народными воззрениями. Образование Кутузов получил в артиллерийско-инженерной школе. За годы учения он отличался особыми способностями в области математики, прекрасно знал французский, немецкий и латинский языки. По окончании школы в возрасте шестнадцати лет он был произведён в прапорщики и начал военную службу. Девятнадцати лет он вступил на боевой путь.

Первые шаги военной и боевой деятельности молодого офицера были сделаны под непосредственным руководством великого русского полководца А. В. Суворова. Суворов командовал в то время Астраханским полком, куда вступил Кутузов, вскоре получивший здесь командование ротой. Под начальством Суворова он принял участие в войне против польских конфедератов 1764—1769 гг.

В этой войне молодой Кутузов, увлекающийся, отчаянно смелый, был участником множества стычек и более крупных сражений. Школой большого военного искусства явилось для Кутузова участие в кампании 1770 г. против турок. Армией тогда командовал знаменитый фельдмаршал Румянцев, старший современник и учитель Суворова. Кампания ознаменовалась величайшими подвигами русского оружия. Кутузов принимал в ней непосредственно личное участие, он был начальником штаба одного из особо отличившихся корпусов. Осторожный и осмотрительный, он вместе с тем отличался решительностью. Он всегда бывал в самых опасных местах, и смерть, казалось, вовсе не пугала его, хотя он страстно любил жизнь и с увлечением пользовался ею в периоды боевого затишья. Весёлый, остроумный и наблюдательный, он смешил товарищей неистощимыми шутками, в которых задевал иногда и старших начальников. Одна из таких шуток стоила ему серьёзных неприятностей и перевода из армии Румянцева в войска, действовавшие в Крыму против турок.

Этот случай произвёл на молодого офицера большое впечатление и оказал влияние на развитие той большой и тонкой осторожности, которая позднее характеризовала Кутузова в его отношении к людям. Впрочем, у Кутузова сохранился и тот острый, всё подмечавший глаз, та склонность к насмешливой шутке, которая так раздражала многих его сослуживцев.

Война в Крыму носила своеобразный характер: то вовсе затихала, то вспыхивала с новой силой. В 1774 г. турки высадили сильный десант в районе между Судакom и Ялтой и попытались продвинуться в глубь полуострова. Русские встретили врага энергичными контратаками и погнали его к морю. Кутузов, в то время полковник, напал на сильный турецкий отряд, закрепившийся у деревни Шумы (близ Алушты); ринувшись впереди своих солдат, он выбил врага из его позиций, но, когда победа была уже достигнута, он получил опасное ранение: турецкая пуля поразила его в левый висок и вышла у правого глаза.

Врачи считали положение Кутузова безнадёжным, но он поправился, получил отпуск для лечения (война с Турцией к этому времени закончилась полной победой России) и поехал за границу. Здесь—в Пруссии, Австрии и Голландии—Кутузов изучал постановку военного дела, много читал, учился, завязал знакомство с рядом выдающихся деятелей Европы, с которыми затем поддерживал переписку.

Вернувшись в Россию, Кутузов, уже в чине генерал-майора, принял участие во второй войне (1787—1791 гг.), начатой Турцией против России, и во время осады Очакова получил второе, ещё более опасное ранение: пуля попала ему в щёку и вышла в затылок. В неизбежности смерти Кутузова никто не сомневался. А когда он, вопреки ожиданиям врачей, стал поправляться, знаменитый хирург того времени француз Массо сказал: «Судьба, видимо, бережёт голову Кутузова на что-то особенное, раз она уцелела после двух таких ужасных ран».

Кутузов болел около года, а затем, вновь вернувшись в армию, был участником взятия Аккермана, Бендер, сражения при Каушанах, штурме Хаджи-бея (крепость на месте современной Одессы).

Наконец, его направили к Измаилу, куда затем прибыл и Суворов, получивший общее командование действиями против этой крепости. Суворов решил взять Измаил штурмом, хотя крепость была исключительно сильна, располагала мощной артиллерией, а её гарнизон численностью превосходил атакующих.

Действия начались после быстрой, но тщательной подготовки. План штурма Суворов обсудил совместно с Кутузовым. На последнего было возложено командование колонной, штурмовавшей участок, где врагу решено было нанести главный удар.

Атакующие оборонялись с мужеством отчаяния. Сбитые с валов, они до последней крайности защищались на улицах и площадях города, в отдельных каменных зданиях, сильно укреплённых ими. Всё было тщётно. Штурм, начав-

шийся на заре, к 4 часам дня был закончен: русские полностью овладели крепостью и городом.

Мужество, распорядительность, непреклонная воля Кутузова сыграли в этом успехе большую роль. «Он шёл на моём левом крыле, но был моей правой рукой», — написал о нём Суворов в своей реляции о взятии Измаила.

К этому времени основные черты Кутузова как командира окончательно определились. Человек огромной силы воли и мужества, он в самые опасные моменты боя не терял хладнокровия и способности мыслить спокойно и отчётливо. Личную доблесть, бесстрашие он считал явлением совершенно естественным, необходимым и в себе и в каждом из своих воинов.

В походах Кутузов с раннего утра был на ногах, принимал донесения, отдавал приказания, осматривал военные работы, укрепления, батареи, присутствовал при всех трудных переходах и переправах.

Первой его заботой, как и всех великих полководцев, было хорошее снабжение армии всеми видами довольствия.

Тесно связанный с солдатской и офицерской массой, Кутузов лично знал многих солдат, участников боёв, которыми он командовал. На бивуаках, уловив свободный час, он ехал в ту или другую роту, вызывал знакомых, садился у костра на солёную и, угощаясь сухарями, подолгу беседовал с солдатами, расспрашивая про их нужды и боевые дела.

Близость к солдатской массе позволяла Кутузову чутко воспринимать все изменения в состоянии её духа, настроения, которое играет громадную роль в боеспособности войск. И лишь немногие полководцы в мировой истории умели так, как он, поддерживать моральное состояние своих войск на должной высоте. Он достигал этого неустанной заботой о солдате, доверием к нему, как к доблестному защитнику родины, справедливыми наградами, умением вселить уверенность в войска в их силе и непобедимости.

Приказы Кутузова обращались столько же к уму, как и к чувству армии, вдохновляли её и долго жили в памяти солдатской массы.

Тщательно следя за воспитанием высокого патриотического духа войск, Кутузов в обучении их продолжал традиции суворовской школы. Он ценил только те навыки, которые нужны в боевой обстановке, требовал совершенного владения оружием, меткой прицельной стрельбы, мощного действия штыком, выносливости в быстрых и длинных переходах, требовал инициативности, развивал чувство товарищеской поддержки («погибай, а товарища выручай»), воспитывал дух крепкой, незыблемой дисциплины, но был противником того слепого, механического повиновения, которое насаждали в своих войсках немцы и их последователи в других европейских армиях. Эта разумная, сознательная и правильная дисциплина связывала массу армии в единый целеустремлённый организм.

Солдаты были готовы идти за Кутузовым в огонь и в воду, любили его, и ни один из них не решился бы на постыдную трусость, на малейшее отклонение в исполнении полученного приказа.

Близкий, духовно родственный солдатской массе, Кутузов в отношении её был простодушным и искренним; но там, где это было нужно, он был скрытным, хитрым и проницательным. Никто не мог заранее предугадать его замыслов, тогда как сам он очень верно и скоро разгадывал самые сложные планы противника.

Способность прекрасно разбираться в самой сложной обстановке была присуща ему не только на поле сражения, но и в любых жизненных условиях. Он оказался поэтому не только прекрасным полководцем, но и замечательным дипломатом. Когда после успешного окончания второй турецкой войны отношения между Россией и Турцией вновь стали обостряться, Кутузов был назначен русским послом в Константинополе (1793—1794 гг.). В сложной обстановке дипломатической борьбы при султанском дворе Кутузов, всегда обходительный, терпеливый, остроумный и весёлый, скоро завоевал общую симпатию. Он развеял интриги европейских дипломатов, направленные против России, и за

полгода пребывания в столице Турции создал между нею и Петербургом самые дружественные отношения.

Позднее Кутузову пришлось не раз выполнять очень ответственные дипломатические поручения русского правительства, которые ему давались обычно тогда, когда усилия других дипломатов оказывались недостаточными.

В промежутках между военной и дипломатической деятельностью Кутузов выполнял большую военно-административную работу в должности командующего войсками в Финляндии, генерал-губернатора Киева, Литвы, а потом Санкт-Петербурга. Особо должна быть отмечена его деятельность как генерал-директора Сухопутного кадетского корпуса, основного военно-учебного заведения России того времени. На этом посту Кутузов выступает не только как администратор, но и как талантливый профессор по курсам военной истории и тактики.

Тонкий дипломатический ум, спокойная сдержанность и умение обходиться с людьми позволили Кутузову перенести все перемены бурного царствования императора Павла. Но когда на престол вступил Александр I, подозрительный и ревнивый к своей власти, как его отец, но гораздо более тонкий и умный, он под благодушной манерой и покладистостью Кутузова скоро разглядел его твёрдую самостоятельность. Эти черты раздражали молодого императора, и он дал понять Кутузову, что желает видеть на месте петербургского губернатора другого, более «преданного» человека.

Кутузов подал в отставку и был уволен.

Почти три года оставался он не у дел, жил то в Киеве, то в своём волынском имении Горошках, занимаясь сельским хозяйством и разводя новые, невиданные раньше в России культуры. Он ездил на охоту, бил волков, принимал у себя деревенских соседей, читал, вёл обширную переписку, но всё это не заполняло его жизни. «Здесь такая скука,— писал он дочери,— что я не удивляюсь, что многие идут в монахи. Всё равно жить, что в монастыре, что здесь в городе...»

Возраст его приближался уже к 60 годам: надежд на возвращение к любимому делу не было, и впереди оставалось только медленное угасание в обстановке помещичьей жизни.

II

Тяжесть вынужденного бездействия Кутузов должен был чувствовать тем острее, что в Европе назревали события огромной важности.

Весной 1803 г. началась война Франции против Англии, закончившаяся лишь после падения Наполеона и явившаяся одним из важных факторов, спределивших его дальнейшую политику.

В 1804 г. Бонапарт принял титул императора. Он не скрывал, что стремится к созданию мировой империи, более могущественной, чем была империя Карла Великого и даже Римская империя. Широкие завоевательные планы Наполеона угрожали каждому из европейских государств. В этих условиях судьбу Англии разделили бы и другие европейские государства.

Политическая обстановка 1805 г. помогла Англии создать на континенте антинаполеоновскую коалицию, в состав которой как основные силы вошли Австрия и Россия. По установленному плану русская армия должна была соединиться с австрийской армией в Австрии и сообща атаковать французов.

На союзных совещаниях были решены и вопросы о командовании армией. Верховное руководство ею на территории Австрии передавалось императору Францу. Главнокомандующим первой колонны войск, направлявшихся из России, союзники предложили назначить Кутузова.

Кутузов был вызван в Петербург. Ему поручили командование 50-тысячной русской армией, выступившей на соединение с австрийцами; с момента вступления на территорию союзника Кутузов был обязан подчиняться распоряжениям

австрийского императора Франца. Вторая русская армия под начальством Буксгевдена должна была выступить вслед за Кутузовым и в дальнейшем соединиться с ним и с главными австрийскими силами, стоявшими под Ульмом. Последними командовал ограниченный и самонадеянный австрийский генерал Макк. После соединения союзники сообща должны были атаковать противника.

В то время, когда Кутузов двигался со своими войсками к Ульму, армия Наполеона уже приближалась туда. Подойдя к Браунау, Кутузов узнал, что лежащий на его пути Мюнхен занят французами. Австрийское верховное командование требовало, чтобы Кутузов продолжал идти вперёд, но тот решительно отказался от бессмысленного и опасного движения в неразведанной обстановке и был прав: вскоре поступило известие, что австрийская армия, окружённая под Ульмом (в октябре 1805 г.), вся целиком сдалась противнику.

Кутузов со своей 50-тысячной армией очутился лицом к лицу с более чем 200-тысячной армией Наполеона, который к тому же мог ударить на русских с двух сторон, зажав их при этом на пространстве между течением Дуная и труднопроходимыми предгорьями Альп.

Единственное спасение было в отступлении, но осуществить эту задачу было нелегко, так как Наполеон всеми силами старался не упустить армию Кутузова, чтобы разбить её до подхода двигавшихся из России подкреплений.

Тщательно скрывая свои намерения и поддерживая в войсках полную уверенность в безопасности положения, Кутузов повёл свою армию на восток, к Цнайму и Ольмюцу, навстречу колонне Буксгевдена. План кампании, который Кутузов при этом составил и предложил императору Францу, особенно интересен тем, что напоминает план, с таким блестящим успехом осуществлённый в 1812 г.: Кутузов намечал временно оставить французам Вену, оборона которой при наличных силах могла кончиться только бесцельной гибелью войск, сдерживать натиск противника на рубеже реки Энса и ни в коем случае не допускать переправы его

через Дунай; за это время оттянуть и соединить все силы, после чего перейти в наступление.

Император Франц согласился на оборону берегов Энса, но нашёл невозможным оставить Вену и приказал Кутузову всеми мерами задерживать наступление противника. Кутузов пропустил это губительное для русских распоряжение мимо ушей и продолжал отход. Но когда французская кавалерия под командованием Мюрата попыталась помешать его переправе через лежащую на пути реку Траун, Кутузов нанёс противнику жестокий удар и в соответствии со своим планом закрепился на берегах реки Энса. Австрийское командование не выполнило, однако, своих обязательств по обороне берегов, отвело от Энса войска и таким образом обнажило фланг русской армии. Это вынудило Кутузова продолжать отход. У Амштеттена французы нагнали и атаковали русский арьергард. Кутузов, приостановив марш, бросил навстречу им части Багратиона и Милорадовича. Могучим штыковым ударом они нанесли противнику жестокое поражение и заставили его держаться на почтительном расстоянии. Однако положение становилось всё более опасным. Русским предстояло переправиться через Дунай, но на противоположном берегу уже появился целый французский корпус (под начальством маршала Мортье). С часа на час можно было ждать его усиления конницей Мюрата, стремившейся переправиться через Дунай у Вены.

Предупреждая противника, Кутузов быстро переправился через Дунай, уничтожил за собой мост, устремился навстречу войскам Мортье и в жестоком сражении у Дюрнштейна разгромил их наголову, в то время как французские войска, оставшиеся по ту сторону Дуная, вынуждены были оказаться бессильными свидетелями этого поражения. Французы понесли громадные потери убитыми, ранеными и свыше 1 500 пленными. Жалкие остатки корпуса спаслись бегством в ночной темноте.

Попытка Наполеона перерезать путь отступления русским и окружить их кончилась неудачей и нанесла тяжёлый удар самолюбию полководца: манёвр его неожиданно дал совер-

шенно противоположные результаты и оказался выгодным противнику.

Раздражённый поражением Мортье, Наполеон энергично принялся за осуществление нового плана окружения русской армии.

Отбрасывая и разгоняя австрийцев, французы приблизились к Вене, заняли её и переправились на левый берег Дуная. Наполеон послал Мюрата наперерез армии Кутузова к Цнайму, а сам погнался за ним с главными силами. Опасность полного окружения стала реальной.

Задача заключалась теперь в том, чтобы успеть пройти Цнайм раньше Мюрата, а это можно было сделать, лишь задержав его движение. Кутузов выделил из состава армии 6-тысячный отряд при 12 орудиях и, назначив начальником отряда своего друга Багратиона, выслал эту группу навстречу Мюрату. «Хотя я и видел неминуемую гибель, которой подвергался корпус князя Багратиона,— писал по этому поводу Кутузов в своём донесении,— не менее того я должен был считать себя счастливым спасти пожертвованием одного армию».

Быстро выступив, Багратион со своей «дружиной героев» укрепился в Шенграбене, близ Голлабруна, на пути Мюрата. Вскоре подошли французы. Полагая, что перед ним главные силы русских, Мюрат не решился сразу их атаковать, а предпочёл подождать подхода подкреплений. Для того же, чтобы русские сами не перешли в атаку или не отступили, он пустился на хитрость, затеяв переговоры о перемирии. Багратион тотчас сообщил об этом Кутузову. Кутузов срочно выслал к Мюрату уполномоченного. Начались переговоры; Кутузов затянул ответ и выиграл на этом ещё 20 часов; Мюрат радовался своей хитрости, а главные русские силы в это время форсированным маршем уходили к Цнайму.

Получив сообщение о «хитрости» Мюрата с Кутузовым, Наполеон пришёл в неистовство и приказал немедленно атаковать русских. В распоряжении Мюрата было в это

время около 30 тысяч. Не извещая Багратиона о прекращении переговоров, французы бросились в атаку.

В жестоком и долгом бою русские дрались с беспримерной стойкостью. Отстаивая каждую пядь земли, они нанесли атакующим огромные потери и, уже окружённые, продолжали отбрасывать врага контратаками. Мюрат несколько раз присылал предложение сдаться, но Багратион не отвечал. Наконец, когда всё возможное было сделано, Багратион собрал остатки своих сил и прорвал окружение. В ночной темноте, уводя с собой захваченных пленных, отряд ушёл от истощённого боем противника и через несколько дней присоединился к Кутузову. Цнайм остался позади. План Наполеона вновь был сорван.

Вскоре Кутузов соединился с Буксгевденом и спешившими на подкрепление русскими гвардейскими частями. Опасность миновала. Остановившись у Ольмюца, Кутузов мог считать свою задачу решённой. Русская армия была спасена от уничтожения. Оставалось стянуть наличные австрийские силы и, выбрав время, перейти в наступление.

Но вскоре к армии прибыли императоры Франц и Александр. Ожидали присоединения прусского короля Фридриха-Вильгельма III, но тот, подписав соглашение, предпочитал, следуя обычной вероломной политике Пруссии, оставаться в стороне, выжидая полного выяснения обстоятельств.

При императорах начались военные совещания, на которых ведущую роль играли австрийские генералы-теоретики, искавшие «математических методов» ведения войны. В Кутузове, так же как когда-то в Суворове, они видели только практика и с высокомерием отводили его слишком простые предложения.

Важнейшие вопросы решались без участия Кутузова. Его власть главнокомандующего фактически была сведена к нулю.

В качестве руководителя группировки, требовавшей немедленного перехода в наступление и атаки против наполеоновской армии, выступил австрийский генерал Вейро-

тер. Это был тот самый учёный офицер, который в чине полковника снабжал Суворова при начале швейцарского похода топографическими сведениями и картами этой страны. И сведения и карты, как потом оказалось, были грубо неверны, — а это стоило Суворову огромных трудностей и потерь.

Теперь Вейротер представил академически разработанную подробнейшую диспозицию намечавшегося сражения при Аустерлице. В ней были предусмотрены все мелочи движения частей, но построена она была на непроверенных сведениях о расположении и численности неприятеля, а его самого рассматривала как неподвижную величину.

В действительности, как известно, Наполеон проявил в Аустерлицком сражении величайшую активность, а диспозиция Вейротера вошла в военную историю как яркий отрицательный пример надуманности, за которую на войне всегда бьют.

Диспозиция была зачитана на военном совете как документ, уже одобренный императорами. Русские генералы были не согласны с ней, но они не могли громко возражать против плана, принятого верховной властью. Кутузов, ещё раньше высказывавшийся против плана Вейротера, также был вынужден подчиниться.

На Кутузова было возложено командование одной из наступающих колонн. Колонна должна была пройти через лежавшие перед ней Праценские высоты и атаковать противника. Опасаясь, что враг уже занял высоты, и желая выяснить это, Кутузов задержал было движение, но император приказал немедленно начинать наступление. Войска двинулись.

Опасения Кутузова оправдались. Наполеон, разгадав намерение врага, уже занял высоты. Когда передние части колонны поднялись сюда, на них обрушились превосходящие силы противника, смяли их и опрокинули. Бросившись обратно, бегущие расстроили порядок следовавших за ними частей. Так началась аустерлицкая катастрофа. Не имея возможности что-либо решительно изменить в ходе собы-

тий, скрывая тяжесть внутренних переживаний, Кутузов лично три раза водил в атаку оставшуюся в порядке бригаду. В бою он получил ранение пулей в щёку.

III

157482
Кампания 1805 г. спасла Англию от разгрома, но дорого стоила союзникам: Австрия понесла тяжёлые территориальные и финансовые потери; русским пришлось отвести из её пределов свои войска. Власть Наполеона в Европе усилилась ещё более: он подчинил себе объединённые им в Рейнский союз среднегерманские государства, а в 1806 г. приступил к завоеванию Саксонии и Пруссии. Прусская армия, считавшаяся в то время лучшей из европейских, перестала существовать через 6 дней после первых столкновений с армией Наполеона. Преследуя беспорядочно бежавших пруссаков, Наполеон шёл прямо на Берлин и вступил в него на 19-й день войны. Здесь им был издан знаменитый декрет о континентальной блокаде Англии. Все подчинённые Наполеону государства обязались прекратить с ней всякие сношения. Не сумев сломить Англию прямой силой, Наполеон решил удушить её экономически.

Разгром Пруссии и её оккупация создали непосредственную угрозу России. Наполеон в Потсдамском дворце намечал уже решение судьбы Литвы и Белоруссии. При таком положении надо было опасаться и за Украину.

Россия оказалась вынужденной к выступлению. Началась война 1806—1807 гг., явившая миру невиданную стойкость русской армии, великие образцы героизма её солдат и офицеров. Однако после сражения при Фридланде Россия вынуждена была к заключению мира и, согласно Тильзитскому договору, обязалась присоединиться к континентальной блокаде Англии. В одном из пунктов договора было обусловлено, что Наполеон сохраняет самостоятельное существование Пруссии «из уважения к императору Всероссийскому», фактически Пруссия стала, однако, не более чем вассалом Наполеона.

Вскоре таким же вассалом стала Австрия, разгромленная при Ваграме. Французскими войсками были заняты Испания и Португалия, где Наполеон впервые столкнулся с огромной силой народной партизанской войны, которую ему так и не удалось ликвидировать. Но это казалось ему только досадной деталью. Главное — господство над Европой — было обеспечено прочно и, казалось, бесповоротно. Независимыми оставались лишь Англия и Россия. Борьба с Англией продолжалась, неизбежность войны с Россией вырисовывалась всё отчётливее. Дело было не только в том, что Россия и не хотела и не могла выполнять принятых на себя в Тильзите обязательств участвовать в блокаде Англии. Главное, что делало войну неизбежной, было стремление Наполеона к мировому господству. Победив Россию, он тем самым победил бы и Англию. Подчинив себе великое европейское государство, Россию, Наполеон мог бы проникнуть отсюда в Индию. Покорение России открыло бы пути также в Персию и Турцию. Идея всемирного владычества казалась близкой к реализации — надо было только сломить сопротивление России.

К походу в Россию Наполеон готовился осторожно, последовательно и методично. К 1811 г. возможность начала войны против России со дня на день становилась очевидной. Россия в это время вела войну с Турцией. Чтобы освободить армию для борьбы с Наполеоном, Александр решил передать Кутузову главное командование молдавской армией, поручив ему добиться скорейшего окончания войны.

Положение на театре войны было трудное. Сил было недостаточно, к тому же они были рассеяны на огромном пространстве. Чтобы выиграть время для сосредоточения и усиления своей армии, Кутузов вступил с визирем, командовавшим турецкими войсками, в мирные переговоры.

Когда после длительного перерыва военные действия возобновились, Кутузов нанёс визирю, начавшему наступление на крепость Руцук, сильный удар и вынудил к беспорядочному отступлению. Трезво оценивая обстановку и не

увлекаясь успехом, Кутузов не только не стал преследовать противника, но, наоборот, оставил Рушук и, срыв его укрепления, отошёл на левый берег Дуная. С этой стороны турки намеревались атаковать русских в тыл силами корпуса Измаил-бея, отправленного в обход.

Между тем визирь занял Рушук, но сразу переправиться через Дунай не решился. Он ожидал сведений о движении корпуса Измаил-бея. Никаких известий от последнего, однако, не поступало. Заходя в русский тыл, Измаил-бей должен был пройти через огромные топкие болота, тянувшиеся в окрестностях Калафата, выход из этой топи был возможен только по двум дорогам. Когда турки углубились в болота, Кутузов занял выходы сильными отрядами и прочно запер противника в непроходимой трясине.

Не дождавшись известий от Измаил-бея, визирь начал переправу через Дунай. С большими трудностями — из-за действий русской речной флотилии — он перевёл на левый берег реки большую половину своей армии (около 36 тысяч). Меньшая часть войск оставалась ещё у Рушука в ожидании переправы.

Это было то, чего ждал Кутузов. Ночью он перебросил через Дунай и направил к Рушуку сильный отряд генерала Маркова, который внезапной атакой разгромил противника и обратил его в паническое бегство. Затем с берега он начал артиллерийский обстрел переправившейся через Дунай вражеской армии. В то же время с другой стороны подошли главные силы Кутузова и, прижав противника к реке, взяли его под артиллерийский огонь с близкой дистанции. В создавшихся критических условиях Турция предложила приступить к мирным переговорам.

Почти накануне войны с Наполеоном Кутузов заключил с Турцией мирный договор, согласно которому Россия навсегда получила Бессарабию с крепостями Измаилом, Килией, Бендерами, Хотинном, Аккерманом, под стенами которых в предшествующие войны было пролито так много русской крови.

В ночь на 12(24) июня 1812 г. «великая армия» Наполеона начала вторжение в Россию переправой через Неман. Наполеон составил план молниеносной войны, рассчитывая сразу же, на границе, встретиться с русскими войсками, которые он надеялся разъединить и разбить — поодиночке. Двинув главные силы на Вильно, Наполеон действительно вклинился между расположением стоявших перед ним первой (под командованием Барклая де Толли) и второй (под командованием Багратиона) армий. Движение корпуса Даву на Минск имело целью охватить фланг второй армии. Ускоряя движение своих войск, Наполеон жаждал генерального сражения. Он правильно рассчитывал, что успех в России может ему дать лишь быстрая война, и решительно отклонил осторожные предложения спланировать войну на две кампании. К этому толкала его и неустойчивость тыла в завоёванной Европе, где власть его держалась на силе штыка, и моральная неустойчивость «великой армии», основную массу которой составляли части, набранные в покорённых Наполеоном странах. В России далеко не все видели слабые стороны армии Наполеона. Отступление и, следовательно, затяжка войны казались многим позором; они предпочитали лучше погибнуть на границах, чем отступать. Стратегическая нелепость этой точки зрения, к счастью, была скоро понята. Барклай начал отступление, но Багратион получил приказ об отходе с опозданием, и это очень осложнило его положение. Русские отступали, сдерживая натиск неприятеля упорными арьергардными боями, нанося ему при этом жестокие удары.

У Смоленска обе армии соединились. Барклай не решился сдать Смоленск без боя, но, когда жестокая битва готова была перейти в генеральное сражение, уклонился от последнего и — к величайшему неудовольствию Наполеона — продолжал отход.

Смысл этого отступления тогда ещё не был понятен на-

роду и армии. Общее возмущение росло. Даже генералы негодовали на Баркляя. Отношения его с Багратионом, который требовал перехода к решительным действиям, обострились до крайности. И в армии и в народе требовали смены командования. Необходимость объединения военной власти в одних руках понимал и император Александр.

В народе единогласно называли имя Кутузова как единственно способного спасти родину, но в придворных кругах шла борьба: зная недружелюбное отношение императора к «одноглазому старику», там выдвигали кандидатуры графа Палена или генерала Беннигсена.

Александр колебался.

Закончив турецкую войну и не получая никакого назначения, Кутузов некоторое время оставался в Петербурге не у дел, но, когда в стране стало формироваться ополчение, петербургское дворянство избрало старого полководца начальником ополчения Петербургского округа.

Это было своего рода демонстрацией.

Между тем положение на театре войны ухудшалось: В армии и в стране всё громче требовали назначения нового главнокомандующего.

«В Петербурге я нашёл всех за назначение старика Кутузова: это было единодушное желание,— писал 18 сентября 1812 г. император Александр своей сестре Екатерине Павловне.— Когда Ростопчин... извещил меня, что и в Москве все за Кутузова... мне не оставалось ничего другого, как сдаться на общее желание... При обстоятельствах, в которых мы находились, мне нельзя было не выбрать... того, за которого были все».

Со времён Минина и Пожарского не бывало полководца, которому бы русский народ так верил, от которого бы так много ждал. Современники рассказывают, что переезд Кутузова из Петербурга к армии походил на триумф. «Жители городов, оставляя все дела, расчёты и торги... жители деревень, оставляя сельские работы... выходили на большую дорогу, выносили хлеб-соль; матери издалека бежали с грудными младенцами... и с безотчётным воплем подни-

мали младенцев своих вверх, как бы поручая их защите верховного воеводы».

Ответственность, которую брал на себя Кутузов, была огромна. Он принимал командование в то время, когда враг зашёл уже в глубинные области России. На пути к армии он узнал о падении Смоленска. «Ключ к Москве взят», — с огорчением сказал Кутузов. Ещё в Петербурге ему было ясно, что прямая борьба с полчищами Наполеона невозможна: силы вторгнувшейся в Россию «великой армии» в три раза превосходили численность войск, которые ей могла противопоставить Россия. Рассказывают, что когда Кутузов, получив назначение, сидел задумавшись, зять его Ф. Опочинин спросил его: «О чём вы задумались? Верно о том, как разбить Наполеона?» — «Нет, мой друг, я не о том думаю, как бы разбить его, на это надобна такая же армия, как его, а о том, как бы его обмануть», — ответил Кутузов.

Приближаясь к армии, Кутузов заметил печальные результаты поспешного отступления. Солдаты и офицеры были подавлены. Им не успевали во-время доставлять продовольствие, и многие части голодали. Обоз был загромождён больными: интендантская служба пришла в расстройство. Солдаты не доверяли высшему командованию; никто не верил в действительную необходимость отступления.

«Все жаждали решительного боя, как единой отрады, единого средства победою искупить спасение погибающему отечеству, или пасть под его развалинами, — рассказывает офицер, участник похода. — В таком расположении духа находились войска, как вдруг электрически пробежало по армии известие о прибытии Кутузова. Минута радости была неизъяснима. Имя этого полководца произвело всеобщее воскресение духа в войсках, от солдата до генерала. Все, кто мог, побежали навстречу почтенному вождю, принять от него надежду на спасение России. Солдаты с криком «ура!» побежали, воображая, что уже гонят неприятеля».

теля. Тотчас у них появилась поговорка: «Приехал Кутузов бить французов!»

Кутузов всемерно поддерживал это настроение. Обезжая части, он везде говорил, что с такими молодцами нельзя не побеждать. В то же время он принимал самые энергичные меры к улучшению снабжения армии. Дисциплина поднялась; всякие отлучки из полков за добычей провианта стали строго наказываться.

Постоянно говоря о близком сражении, Кутузов вместе с тем видел всю нецелесообразность дать его. Силы противника были слишком велики; в случае неудачи Россия рисковала остаться без армии и, значит, вовсе беззащитной против врага, ещё имевшего за собой громадные резервы. Между тем все настаивали на битве. Начальник штаба главнокомандующего генерал Беннигсен выбрал позицию для сражения у Царёва-Займища, но Кутузов отклонил предложение, справедливо считая, что неудобства позиции увеличивают и без того большой риск генерального сражения.

Отступление продолжалось. Это было необходимо, но Кутузов не мог не считаться с настроением армии, с требованием всего народа. Уже недалеко была Москва. Можно ли было отдать без боя древнюю столицу великой империи?

У села Бородина, в 12 километрах от Можайска, Кутузов остановил армию. Здесь была позиция, удобная для битвы. Бородинское поле представляет слегка всхолмлённую, покатую к западу равнину, по которой в том же направлении тянулись две дороги: большая, Новая Смоленская, и в 6 километрах южнее — Старая Смоленская дорога — узкий, неудобный для движения войск просёлок. Поле и Новую Смоленскую дорогу у села Бородина пересекала речка Колоча. Она почти пересохла и была проходимой вброд, но её высокие обрывистые берега облегчали оборону правого фланга армии, занявшей позицию.

Для обороны левого фланга были созданы укрепления (флеши) у деревни Семёновской, а к северо-западу от них — редут у деревни Шевардино. Последний при наступ-

лении противника разрезал его движение, оттесняя южную часть к лесу и ставя северную под фланговый огонь Семёновских (позднее прозванных Багратионовыми) фляшей.

Главное командование правым крылом и центром осуществлялось Барклаем де Толли, левым флангом — Багратионом. Им подчинялись — на правом фланге Милорадович, в центре Дохтуров, на левом крыле Горчаков.

Кутузов решил начать сражение как оборонительное, а затем, при успехе, перейти в наступление на истощённого битвой противника. В диспозиции Кутузов особенно подчёркивал необходимость возможно дольше сохранять резервы, так как «генерал, который сохранит ещё резерв, — не побеждён».

24 августа начавшие подходить французские силы атаковали у Колоцкого монастыря русский арьергард и заставили его отступить к Бородину. После перестрелки с егерями, рассыпавшимися у деревни Валуевой, французы наткнулись на Шевардинский редут. Оборону укрепления несли 8 тысяч пехоты, 4 тысячи конницы и 30 орудий.

Наполеон приказал Мюрату овладеть редутom. В 2 часа дня французы начали атаку с севера и запада, а вслед за тем и с юга. Сила атакующих доходила до 30 тысяч пехоты, 10 тысяч конницы и 186 орудий.

Артиллерийская перестрелка сменилась ружейным огнём. Начались яростные рукопашные схватки. Пехота дралась с непоколебимым упорством. Артиллеристы стреляли в упор в прорвавшиеся массы врага. Их невозможно было отвести от орудий. Они защищали их, отбиваясь врукопашную, и гибли возле пушек. Вытесненные из редута подавляющей силой врага, русские бросались в контратаки и вновь выбивали противника. Укрепление переходило из рук в руки.

Кутузов выслал в подкрепление Багратиону гренадерскую дивизию (около 6,5 тысячи человек). Бой возобновился с новой силой. К наступлению темноты французы были окончательно отброшены, бой затих.

Ночью Кутузов приказал вывести войска из редута и подкрепить ими части левого фланга, который был отодвинут несколько юго-восточнее первоначально намеченной линии.

25 августа на левом фланге между французами и егерями, засевшими в Утицком лесу, а вслед за тем и на правом фланге, севернее деревни Горки, развернулся горячий бой. Французам, однако, нигде не удалось продвинуться.

Кутузов осматривал спешно продолжавшиеся земляные работы; французы тоже возводили укрепления перед своим фронтом.

Каждый готовился к решающей битве. В русской армии служили молебны. Солдаты переодевались в чистые рубашки. Никто не допускал мысли об отступлении. Все знали, что жертв будет много, но что победа необходима. Настроение было твёрдое, сосредоточенное. Многие солдаты отказались в обед от чарки водки, говоря, что в такой день не пьют.

Кутузов объезжал расположение и говорил с войсками. Его встречали восторженно. «Дух нашей армии был превосходный, — рассказывает участник сражения генерал Левенштерн. — Солдаты, офицеры и генералы горели желанием сразиться с неприятелем, победить его или умереть. Никогда ещё воодушевление не было так велико».

* * *

Огромная армия Наполеона по мере углубления во внутренние области России таяла. Она оставляла за собой гарнизоны, посты, части для охраны коммуникаций, массы заболевших, отсталых. Всё это ослабляло её больше, чем потери в боях, которые тоже были весьма ощутительны.

«Великая армия», первоначально превосходившая русские силы почти в три раза, подходя к Бородину, уже почти сравнялась с ними численностью, хотя и сохраняла всё же некоторый перевес. В рядах её было 130 тысяч бойцов против 100-тысячного состава русских регулярных войск. Но соотношение сил артиллерии уже стало благоприятно для русских.

План наступления, установленный Наполеоном, как и всегда, был прост, оригинален и неожидан. Император наметил отвлечь внимание русских демонстрацией на их правом фланге, нанести решительный удар с охватом левого фланга, прорвать русский центр и кратчайшим путём выйти на Новую Смоленскую дорогу.

Генеральное сражение началось на рассвете грохотом более 100 орудий, направленных на Багратионовы флеши.

В 4 часа утра густые колонны корпуса Богарнэ бурным натиском ринулись на село Бородино в намерении овладеть им и прорваться на другой берег Колочи. В селе в это время был расположен гвардейский егерский полк, охранявший переправу через Колочу и ручей Войну арьергардных частей генерала Коновницына, отходивших на свои позиции.

Несмотря на огромное превосходство сил противника, егеря оказали стойкое сопротивление. Наконец, подавляемые массами наседавших на них французов, они отошли за Колочу и разрушили мост через неё. Опьянённые первым успехом, французы вслед за отступающими перешли речку, но егеря, получив подкрепление, бросились на них в штыки и истребили всех перебравшихся на правый берег.

Наступление Богарнэ этим было закончено. Как демонстрация оно также не дало эффекта: уверенный в своём правом фланге, Кутузов не произвёл в связи с этой атакой никаких перегруппировок. Его внимание всё более приковывалось к левому флангу: артиллерийский обстрел последнего усиливался. Кутузов послал приказание перевести некоторые части с правого фланга на левый. Противник между тем двинулся в наступление.

«Хладнокровие ни на минуту не изменяло ему,—рассказывает о Кутузове Михайловский-Данилевский.—С великим искусством противодействовал он усилиям Наполеона. Куда Наполеон ни замышлял обрушиться, где ни думал сломать русских, везде во-время, в урочную пору, подспевали подкрепления нашим войскам. Удостоверившись при начале сражения в нападении превосходных сил на князя Багра-

тиона, Кутузов подкрепил его кирасирами, гвардиёю и артиллерией».

Плотные массы противника под общим начальством маршала Даву пошли в атаку. В четверти километра от Багратионовых флешей их встретил напряжённый огонь картечью, а с фланга—ружейный обстрел егерей, рассыпанных в кустарнике левее флешей. Оставляя груды убитых и раненых, французы отхлынули.

Около 7 часов утра началась вторая атака флешей. Русский огонь опять внёс расстройство в ряды войск противника, но, воодушевляемые личным примером маршала Даву, французские войска атакуют левую флешь и захватывают её. Русские гренадеры тотчас переходят в контратаку, возвращают укрепление и, преследуя беспорядочно отступающего врага, массами его истребляют.

Озадаченный невиданной стойкостью этого сопротивления, Наполеон усилил Даву частями корпуса маршала Нея, и в 8 часов французы снова пошли в атаку. Сильнейший артиллерийский обстрел к этому времени частью разрушил русские укрепления и становился всё смертоноснее. Однако, когда французские колонны приблизились, русские вновь встретили их убийственным огнём. На этот раз французы неудержимой лавиной устремились к цели. Нея впереди своих войск врывается в правое укрепление, дивизия Компана штыками бьётся на левом. Но к русским подходит подкрепление. Штыковым натиском они гонят противника, истребляют его массами, но и сами несут огромные потери под шквалом направленного на них артиллерийского огня.

Между тем бой развернулся и на крайнем левом фланге, где французы атаковали пехотой войска, расположенные у деревни Утицы. Однако французы и тут получили столь жестокий отпор, что вынуждены были поспешно отступить к ближайшему лесу.

В соответствии с определившейся картиной боя Кутузов отправил подкрепления со своего правого фланга на левый и ввёл в действие до 100 орудий из главного артиллерийского резерва.

Наполеон со своей стороны усилил войска Даву и Нея, и французы в четвёртый раз атакуют флеш. Ценой невероятных усилий им удаётся на этот раз захватить укрепления. На плечах отступающих они врываются в деревню Семёновскую и пытаются наступать в сторону деревни Псарёво. Но оттеснённые за Семёновскую русские успевают привести свои силы в порядок и, получив подкрепление, переходят в контратаку. «Они шли вперёд с величайшей отвагой по трупам павших,—рассказывает французский генерал Пелле.—Русские колонны двигались, как подвижные шанцы, сверкая сталью и пламенем. Поражаемые нашей картечью, атакуемые то конницей, то пехотой, они терпели огромный урон, но нападали на нас попрежнему».

К 10 часам утра Багратионовы флеш вновь были заняты русскими, а французы далеко отброшены. Параллельно этому развивается другой кровавый эпизод — атака батареи Раевского на Курганной высоте, но и здесь французы вынуждены были отступить.

Однако Наполеон непреклонен. Ней и Даву в пятый, шестой, в седьмой раз ведут свои непрерывно обновляемые войска на штурм флешей, но снова и снова терпят неудачу. Наполеон массирует против флешей свою артиллерию. Огонь гигантской батареи из 400 орудий обрушивается на полуразбитые укрепления. Между тем массам, атакующим высоту Курганную, удалось добиться успеха. Русский фронт прорван.

Не ожидая вновь двинувшихся к флешам густых колонн противника, Багратион выводит свои части из укреплений, бросается навстречу атакующим и берёт их в штыки. В это время вблизи разрывается снаряд, осколок которого смертельно ранит Багратиона. Среди солдат и офицеров происходит замешательство. Французы получают перевес и теснят русских за деревню Семёновскую.

Получив донесение о прорыве центра, Кутузов потребовал лошадь и, желая лично удостовериться, так ли это, въехал на пригорок. Его осыпали обломки гранат, летевшие во всех направлениях. Убедившись, что центр прорван, Кутузов вызвал на левый фланг имевшиеся резервы и при-

казал стоявшему на правом фланге 1-му конному корпусу и казакам Платова атаковать левый фланг противника.

Весть о ранении Багратиона и отходе его частей за Семёновскую взволновала Кутузова. Перед этим он только что получил хорошие вести: прорвавшийся в центре противник оттеснён, русские вновь овладели Курганной высотой. С потерей флешей Курганная осталась под ударом; мог быть отрезан крайний левый фланг, подкрепить который достаточно быстро не имелось возможности.

Кутузов послал на место Багратиона герцога Вюртембергского. Но, узнав, что тот приказал отступать, фельдмаршал пришёл в ярость и, отправив за ним нескольких адъютантов, начал громко и при всех поносить его бранными словами. Командование было передано генералу Дохтурову.

На линии боя, между тем, произошли благоприятные перемены. Русская кавалерийская атака на левом фланге противника, внезапное появление казаков в районе расположения французских обозов очень встревожили Наполеона. Император остановил подкрепления, высланные на помощь Даву и Нею, и, ослабив нажим в районе Курганной, бросил освободившиеся силы на свой левый фланг. Конная атака была отражена, но успех, ранее достигнутый в центре, потерян.

Лишь около 2 часов дня Наполеон начал новый (третий) штурм Курганной. Теперь, владея флешами, он мог взять её под перекрёстный артиллерийский обстрел от Бородина и от Семёновской и атаковать не только с фронта, но и с обоих флангов. В непродолжительной яростной битве защитники славной батареи Раевского были перебиты. Уцелевшие части подались к деревне Князьково. Войска центра и левого фланга, отодвинувшись за Семёновскую, т. е. примерно на 1 километр от линии первоначального расположения, продолжали вести упорный бой. Французы, истощённые, обескровленные, начинали обессиливать. Их натиск слабел. Маршалы уговаривали Наполеона ввести в бой старую гвардию, но император не хотел рисковать своим последним резервом.

Приближался вечер. Битва затихала.

Кутузов, желая воодушевить утомлённые войска, послал по линии фронта «поздравить всех с отражением неприятеля и предварить, что завтра мы атакуем». По свидетельству Михайловского, «войско было восхищено вестью предположенного нападения. От радости бросались в объятия вестника и снимали его с лошади».

Сгустившаяся темнота положила конец кровопролитию.

В Бородинской битве противника не удалось, да ещё и невозможно было остановить, но в битве он понёс такие потери, которые он ничем не мог потом пополнить. Цель, которую себе ставил перед сражением Кутузов, в главной своей части была достигнута. После Бородина движение Наполеона вперёд становилось движением к гибели.

Генеральная битва, которой искал Наполеон с первых дней вторжения своего в Россию, принесла ему совершенно неожиданные результаты. Он должен был, конечно, громогласно оповестить мир о своей победе «в великой битве под Москвой», но он не мог не видеть, что битва кончилась стратегическим поражением. Это хорошо понимали и маршалы. Потрясающая стойкость русских, их бесспорная моральная победа вызвали упадок духа «великой армии», трагическая судьба которой была окончательно предрешена на Бородинском поле. Это был важнейший этап в мудром стратегическом замысле Кутузова. Несколько месяцев спустя он был завершён почти поголовной гибелью армии Наполеона, а вслед за тем распадом и крушением империи Наполеона.

Ставя конечной целью разгром и изгнание врага, Кутузов видел необходимость прежде всего для этого сохранить живую силу армии. Решив поэтому отказаться от возобновления битвы и разъяснив войскам, что отступление необходимо для сосредоточения сил, Кутузов на следующий день после Бородинского сражения приказал отступить к Можайску, а затем и далее.

Войска были недовольны, но надеялись, что скоро будет новая битва: никто не допускал мысли, что Москву можно оставить без боя. В голове Кутузова, между тем, созрел

окончательный план кампании. Глубоко понимая психологию русского народа, Кутузов строил свой стратегический план с учётом действий не только армии, но и всего народа.

Эта всенародная война с завоевателем развёртывалась всё шире, по мере того, как он продвигался в глубь страны.

Безудержное мародёрство, реквизиции, грабежи и насилия, чинившиеся отрядами «великой армии», усиливая и без того острую ненависть к врагу, толкали крестьянство на путь решительной борьбы с врагом.

Первоначально это выражалось в поголовном уходе населения при приближении врага. «Мы не находим тут ни жителей, ни одной головы скота,— писал один из французских офицеров.—Дома покинуты населением, из них унесено всё ценное... эта пустыня подавляет нас».

Вскоре борьба стала принимать и более активные формы. Разбежавшиеся и прятавшиеся по лесам крестьяне вооружались чем попало, устраивали засады и истребляли мелкие отряды врагов, обшаривавшие пустые деревни в поисках продовольствия. Это движение быстро и стихийно ширилось. «Все готовы были на всякую жертву для обороны святой Руси и для истребления дерзкого врага»,—рассказывает современник.

Незадолго до Бородинского сражения Кутузов по предложению подполковника Д. Давыдова, впоследствии знаменитого партизана, выделил из состава армии отряды, предназначенные для партизанских действий в тылу зарвавшегося врага. Эти кавалерийские отряды, среди которых было много казаков, явились звеном, связавшим массовое движение народа в одно целое с действиями армии под общим руководством Кутузова.

Всячески поощряя развитие партизанского движения, принимая меры к возможно более широкому снабжению крестьян оружием, Кутузов был уверен, что в разбушевавшемся океане народной войны армия завоевателя неизбежно потеряет свою устойчивость. Её коммуникации, пути подвоза снабжения Кутузов надеялся поставить под беспрестанные удары партизан. Всё это должно было ослабить

врага, вынудить его к отступлению и, наконец, привести его к полной гибели под ударами русской армии. Необходимым условием успеха было, однако, сохранение живой силы армии и выжидание момента, когда переход в наступление станет целесообразным. Кутузов отчётливо понимал это, и, когда он, обогнав армию, созвал военный совет в деревне Филях, у самой черты Москвы, у него уже было твёрдое решение.

Кутузов открыл заседание военного совета вопросом, принять ли сражение перед Москвой, и указал при этом, что «доколе будет существовать армия и находиться в состоянии противиться неприятелю, до тех пор сохраним надежду благополучно довершить войну, но когда уничтожится армия—погибнет Москва и Россия».

Мнения генералов разделились. «Вы боитесь отступления через Москву,—сказал фельдмаршал,—а я смотрю на это как на провидение, ибо это спасёт армию. Наполеон—как бурный поток, который мы ещё не можем остановить. Москва будет губкой, которая его всосёт... С потерей Москвы,—продолжал он,—не потеряна Россия... знаю, ответственность обрушится на меня, но жертвую собой для блага отечества». И, встав со своего места, закончил: «Приказываю отступать. Что бы ни случилось, я принимаю на себя ответственность перед государем, отечеством и армией».

Какое впечатление произвело в войсках это решение, трудно себе представить. «Я не могу изъяснить чувств, мною овладевших тогда,—рассказывает Михайловский-Данилевский,—скажу только, что мы во весь вечер ходили взад и вперёд по Филям, плакали, как дети, и только что не предавались отчаянию». Были офицеры, которые срывали с себя погоны и кричали, что не хотят носить мундира опозоренной армии. Солдаты были угрюмы.

Когда на другой день бесконечная вереница войск потянулась к заставам столицы, Кутузов «по выезде из Москвы велел оборотить лицом к городу дрожки свои и, облокотя на руку голову, поседевшую в боях, смотрел с хладнокровием на столицу и на войска, проходившие мимо него с по-

тупленным взором; они, в первый раз, видя его, не кричали ура!» («Записки неизвестного о сдаче Москвы»). Генерал-губернатор Москвы граф Ростопчин, требовавший во что бы то ни стало оборонять столицу, при встрече с фельдмаршалом всем своим поведением выказывал негодование и презрение к Кутузову. Беннигсен отзывался о нём, как о выжившем из ума упрямом старике. Впереди оставался гнев императора Александра, осуждение двора,—во всё это было ничто по сравнению с тем горем и бедствием народным, которое Кутузов видел перед собой и которое было следствием его решения.

Эти страдания вместе с позором отступления и ответственностью за будущее России Кутузов принимал на свою совесть. Он оставался единственным ответчиком за всё это, и нужна была невероятная сила воли, твёрдая уверенность в правильности своего плана, своего решения, величайшее чувство ответственности перед историей за судьбу родины, чтобы предпринять этот страшный, но сделавшийся необходимым шаг.

Полковник Толь подъехал к Кутузову с донесением о том, что французы, следом за последними выходящими из Москвы русскими частями, уже начинают вливаться в опустевший, брошенный жителями город. «Слава богу,—ответил фельдмаршал,—это их последнее торжество».

* * *

Отступающие войска шли по Рязанской дороге, и французская разведка установила это направление отхода русской армии. Но, «дойдя до Боровского перевоза у Москвы-реки, Кутузов быстро повернул со всей армией по просёлочной дороге к Подольску, к ночи вышел форсированным маршем на большую Тульскую дорогу и расположился у Подольска... 7 сентября армия довершила своё фланговое движение, ступив у Красной Пахры на Калужскую дорогу» («Воспоминания А. С. Норова»).

Всё это время Кутузов беспокоился, что Наполеон раскроет его план и атакует отступающую армию на марше.

Когда вышли на Калужскую дорогу, опасность миновала. Кутузов повеселел. Изменилось и настроение войск. Все стали понимать, что это не простое отступление, а мудрый манёвр, таящий в себе страшную угрозу Наполеону: русские вышли во фланг противнику; армия его теперь могла быть отрезана от Смоленска и уже оказалась отрезанной от богатого продовольствием юга с огромными провиантскими складами в Калуге. «Солдаты и офицеры,— говорит Н. Митаревский,— начали расхваливать фельдмаршала на разные лады: «Ай да старик Кутузов! Поддел Бонапарта, как тот ни хитрил... Кутузов — тёртый калач! Кутузов — старый воробей, и т. п.»

Наполеон, вступив в древнюю русскую столицу, опустение и пожар которой служили грозным предзнаменованием, потерял почти неделю, прежде чем разгадал манёвр Кутузова. Встревоженный появлением на своём фланге главных русских сил, которые он считал отступившими к Рязани, он выслал сильный корпус по Подольской дороге. Усмотрев в этом опасность обхода своего правого фланга, Кутузов оставил лагерь у Красной Пахры и передвинулся на более выгодную позицию у Тарутина. Здесь он прикрыл дороги на Тулу и Калугу и угрожал возможностью движения на Можайск. Это могло бы отрезать сосредоточенную в Москве армию Наполеона от её западных баз.

Вскоре к Тарутинскому лагерю подошли французские войска под начальством Мюрата. Столкнувшись с русским авангардом, они, не решаясь атаковать русских, остановились на реке Чернишне. Кутузов со своей стороны не считал своевременным вступать в бой с Мюратом, и противники в течение двух с половиной недель оставались в непосредственной близости друг от друга.

В Тарутинский лагерь без перерыва поступало продовольствие, подходили подкрепления, люди были удобно расположены и отдыхали, французы же на Чернишне испытывали непрерывные тревоги, с трудом и всё в меньших количествах добывали себе провиант.

Наполеон в Кремле ждал, что к нему придет посол Александра с просьбой о мире, но никто не приезжал, и император решил, наконец, направить своего посла к Кутузову с предложением мира.

Это был явный успех стратегии Кутузова: враг беспокоился, стремился скорее кончить войну, — значит он действительно поставлен в тяжёлое положение, и надо только твёрдо продолжать осуществление принятого плана.

Для встречи наполеоновского посла генерал-адъютанта Лористона Кутузов надел парадный мундир, взяв эполеты у Коновницына, так как свои были слишком поношены. «Лористон начал жалобами на жестокость русских с французами. Фельдмаршал сказал на это, что он не мог в три месяца образовать народ, который считает врага хуже, чем ордой татарских хищников под предводительством Чингис-хана.

— Согласитесь, однако, — отвечал Лористон, — что есть некоторая разница.

— Может быть, — возразил фельдмаршал, — но не в глазах народа; я же могу отвечать только за поведение моих войск.

На них Лористон не имел никаких жалоб.

Потом, упомянув о перемирии, он сказал: «Сама природа в скором времени вынудит перемирие». Фельдмаршал ответил, что не имеет полномочия на этот предмет (из записок Р. Вильсона). Разговор перешёл на неблагоприятные для Наполеона события в Испании. Лористон несколько раз пытался подчеркнуть, что мирное предложение не является признаком слабости французов.

В заключение беседы Кутузов снова решительно отклонил всякую возможность мира или перемирия, говоря, что народ ни в коем случае не согласится на это.

Из Тарутина Кутузов непосредственно руководил народной войной, которая приобрела к тому времени широкий размах. На всех путях от Москвы — Тверском, Ярославском, Владимирском, Рязанском, Тульском, Калужском — везде действовали ополченцы и партизаны. Деревни вокруг

Москвы были пусты; в них не осталось ни людей, ни скота, ни хлеба. Многие из них были сожжены. В лесах прятались партизаны, нападавшие на фуражировочные отряды, пытавшиеся добыть провиант и сено.

Между тем среди войск, запертых в Москве точно в мышеловке, усиливался голод. Мародёры бродили по выгоревшим кварталам, обыскивали уцелевшие дома. Дисциплина падала, её приходилось поддерживать расстрелами. Армия, голодная и бездействующая, разлагалась.

Наполеон, в первый раз за долгий путь непрерывных побед, бесплодно терял время и не находил решения. Он то надеялся, что Александр, наконец, согласится на мир, то думал о походе на Петербург, осуществить который уже был не в силах. Рост партизанской войны пугал его всё больше. По приказанию императора маршал Бертье отправил Кутузову письмо, в котором просил принять меры к укрощению партизан и «прекратить опустошение собственной земли, которое столь же вредно для самой России, как и прискорбно императору Наполеону». «Позвольте повторить истину,— ответил Кутузов,— что хотя я и желал бы, но очень трудно удержать народ, раздражённый всем совершающимся на его глазах, народ, уже 200 лет не знавший войны внутри своего государства, готовый жертвовать собой за отечество и неспособный различать, что именно принято или воспрещается в войнах обыкновенных».

6 октября русские атаковали Мюрата и разгромили его, а в ночь того же числа французская армия двинулась из разорённой столицы. Кутузов ещё не имел сведений об оставлении врагом Москвы, когда писал из Тарутина жене: «Бог мне даровал вчера победу при Чернишне... Не мудрено было их разбить, но надобно было разбить дёшево для нас, и мы потеряли всего с ранеными только до трёхсот человек. Первый раз французы потеряли столько пушек и первый раз бежали, как зайцы».

В то время как русские атаковали Мюрата, высланная из Москвы дивизия генерала Брусье двигалась по Новой Ка-

лужской дороге к Фоминскому в обход левого фланга русских. Это начиналось осуществление плана Наполеона: спуститься к Калуге, овладеть обильными её продовольственными запасами и, укрепив армию, по неразорённой местности отступить к Смоленску. Вслед за Брусье выступили главные силы Наполеона; войска маршала Нея растянулись по Старой Калужской дороге, для того чтобы скрыть действительное направление марша Наполеона и этим обмануть русских!

Получив сведения о появлении французов у Фоминского, Кутузов должен был решить остававшийся неясным вопрос, где находятся главные силы Наполеона. Не предугадывая дальнейшего, фельдмаршал 10 октября выслал к Фоминскому корпус генерала Дохтурова. Скоро от Дохтурова пришло донесение, что, по показаниям пленных, в Фоминском сосредоточились главные силы Наполеона, который, видимо, думает идти к Малоярославцу. Почти одновременно с этим стало известно, что и Ней, оставив Старую Калужскую дорогу, двинулся на соединение с главной армией. Стало ясно, что Наполеон имеет целью прорваться в Калугу.

Это был тот радостный и ответственный момент, которого ждал Кутузов. Враг вынужден оставить Москву. Он отступает, но его отступление надо уметь обратить в его гибель.

Надо было преградить дорогу Наполеону на Калугу и заставить его отступить по Старой Смоленской дороге. В ночь на 11 октября вся русская армия спешно выступила к Малоярославцу. Поход был трудный; дороги, размытые дождями, мешали движению. На второй день слышали гул орудий; это Дохтуров сражался за Малоярославец с превосходившими во много раз силами противника.

Битва велась с отчаянным напряжением и длилась весь день. Город восемь раз переходил из рук в руки. К вечеру он остался за французами, но представлял собой одни только развалины. Ночью к поредевшему корпусу Дохтурова подоспели войска генерала Милорадовича, высланные Кутузовым. Русские закрепились на южной окраине Малояро-

славца. Главные их силы остановились в окрестностях села Спасского.

В штабе Кутузова шли споры. Генерал-квартирмейстер Толь настаивал на немедленном ударе по арьергарду Наполеона. Враждебный фельдмаршалу Беннигсен уверял, что армия теряет время и будет разбита атакой противника. Кутузов всех слушал, но не следовал ничьим советам.

«Завтра,— сказал он вечером, когда по донесениям составил себе полную картину обстановки,— должно быть генеральное сражение, без которого я ни под каким видом Наполеона в Калугу не пущу». Это решение соответствовало плану Кутузова, возникшему после Бородинского сражения. Противник, обессиленный голодом в Москве, и по оставлении её должен был быть удержан в голодной зоне. Именно в этой полосе опустошения, которая отмечала следы «великой армии», и решил её изолировать Кутузов. Уклоняясь ранее от сражений, которые он считал ненужными, фельдмаршал готов был теперь на любые жертвы, чтобы не позволить врагу вырваться из этой зоны.

Между тем Наполеон, окружённый маршалами, сидел в крестьянской избе в деревне Городне и думал над картой. Его план обхода русского фланга провалился. Надо было или предпринимать новый манёвр, или вступить в генеральную битву. Император, решавший судьбы Европы своими сражениями, на этот раз счёл необходимым уклониться от боя.

Утром 13 октября Кутузов получил известие, что крупные французские силы стали накапливаться у Медыни. Отсюда опять открывалась возможность обхода левого русского фланга и прорыва к Калуге. Вопреки общему желанию фельдмаршал отменил распоряжение о битве и приказал отступить к Полотняному Заводу. Остановившись здесь, он перехватил дорогу к Калуге и от Малоярославца и от Медыни. Это был несравненный шахматный ход. Наполеон долго думал над ним и, наконец, приказал через Боровск и Верею отходить к Можайску. Он признал себя побеждён-

ным и пошёл по тому мёртвому, гибельному пути, на который его загонял Кутузов.

Это было начало конца «великой армии» и такой огромный, при столь незначительных потерях, успех Кутузова, что трудно было этому поверить. Фельдмаршал полагал, что Наполеон сделает ещё одну попытку свернуть с разорённой Смоленской дороги, прорваться и пройти севернее её. Поэтому, получив сведения разведки (они оказались потом неверными) о появлении у Кременского французов, Кутузов передвинулся туда, чтобы снова стать на пути противника.

Но тот уже уходил. «В молчании, с видом унылым, как будто предчувствуя свой тяжкий жребий, ибо они уже были обречёнными жертвами, тронулись неприятели в обратный путь к Смоленску. Посреди печальных полков ехал Наполеон, задумчивый, рассчитывая с маршалом Бертье огромное, предстоявшее им расстояние и время, когда можно будет достигнуть Смоленска и Минска» (Михайловский-Данилевский).

Среди торжества, царившего в русской армии, всё громче раздавались голоса о необходимости атаковать противника, разбить и добить его.

На этом особенно настаивал английский представитель при русской главной квартире сэр Роберт Вильсон. Кутузов то отказывал, то отшучивался; он знал, что голодная армия Наполеона, окружённая партизанами, на длительном пути из России погибнет вернее и полнее, чем в каком бы то ни было сражении, и это будет стоить русской армии минимальных жертв. Всякий раз, когда генералы упрашивали фельдмаршала разрешить нападение на противника и обещали успех ценой небольших потерь, он отвечал: «За десятых французов не отдам и одного русского. Неприятели скоро все пропадут, а если мы потеряем много людей, то с чем придём на границу?»

Своей задачей Кутузов ставил теперь не давать противнику свернуть с отведённого ему пути, т. е. продолжал ту же тактику, которая дала столь блестящие результаты под Малоярославцем и Полотняным Заводом. Но там армия за-

нимала определённые позиции, теперь она должна была неотступно следовать за врагом, преграждая ему пути к югу. «Думаю нанести Наполеону величайший вред параллельным преследованием и действовать на его операционные пути», — писал в это время Кутузов.

Так началась гибель «великой армии». Ей пришлось идти по голодному, усеянному трупами, выжженному пути, — тому самому, по которому она шла на Москву. Люди и лошади падали от истощения. За армией тянулся огромный обоз с награбленными ценностями, золотом, серебром, тканями, которые везли с собой солдаты и офицеры; шли и ехали иностранцы, оставшиеся в Москве после ухода русских и теперь боявшиеся мщения. Французы миновали Боровск, Верею, Можайск, истребляя всё, что уцелело. Прошли страшное Бородинское поле, взрытое снарядами, окутанное смрадом разложения более чем ста тысяч гниющих неубранных трупов. Загоняли в церкви русских пленных и там сжигали их живьём. Голодная армия высылала отряды искать продовольствия, но почти ничего не могла добыть, так как крестьяне-партизаны и казаки, роем вившиеся вокруг вражеской армии, уничтожали фуражиров.

Отступающая армия Наполеона стремилась скорее подойти к Смоленску, где надеялась найти хлеб и отдых. Под Вязьмой Платов и Милорадович столкнулись с французами, захватили 3 тысячи пленных; число погерь противника убитыми и ранеными превышало 4 тысячи. Генералы просили у фельдмаршала подкрепления, тот рассердился, отказал в поддержке и приказал Милорадовичу прекратить бой: французы и без того гибли тысячами от истощения и особенно от действий партизанских отрядов, выделенных из состава армии.

Из 100-тысячной «великой армии», вышедшей из Москвы, в Дорогобуж пришло лишь 50 тысяч.

Кутузов систематически и неуклонно продолжал параллельное преследование. Это было трудное дело. «Почти дня покоя нет, — писал Кутузов ещё в начале отступления французов, — неприятель бежит из Москвы и мечется во все

стороны, и везде надобно поспевать; хотя ему очень тяжело, но и нам за ним бегать скучно». Отступление «великой армии», подгоняемой голодом, всё ускорялось, превращалось в бегство. Соответственно увеличивалась быстрота и трудности преследования.

Наконец, передовые части французов дорвались до Смоленска. Но они нашли там лишь ничтожные запасы продовольствия, которые немедленно были расхвачены потерявшими всякую дисциплину войсками.

В это время ударили жестокие морозы. Солдаты и офицеры кутались в женские одежды, в церковные ризы, оставшиеся прятались в распоротых брюхах павших лошадей. «Смоленская дорога покрыта на каждом шагу человеческими и лошадиными трупами, — писал 11 ноября Воейков поэту Державину. — Голод вынудил их не только есть палых лошадей, но многие видели, как они жарили себе в пищу мёртвое человеческое мясо своего одноплеменника...»

Это было ещё до Смоленска. После Смоленска положение стало ещё ужаснее.

Артиллерию бросали по дороге. В армии оставалось едва 36 тысяч человек, остальные беспорядочно тянулись сзади. Партизаны массами забирали их в плен или истребляли. Известно, как много пленных пригонял и сдавал составленный из мальчишек и женщин отряд старостихи Василисы Кожинной.

Под Красным, уступая желанию армии, Кутузов разрешил атаковать корпус вице-короля Евгения. За четыре дня боёв (3—6 ноября) здесь было уничтожено 5 тысяч человек, 9 тысяч взято в плен. Из 7 тысяч человек отрезанного корпуса маршала Нея 4 тысячи погибли в бою, остальные 3 тысячи, пытаясь переправиться через Днепр, провалились под лёд и утонули. Только несколько сотен из них спаслось и добралось до Орши. На берегу Днепра были брошены фуры с ранеными, больными и бежавшими из Москвы семьями иностранцев. Видя приближение казаков, люди бросились к Днепру, погнав свои экипажи по тонкому льду, который провалился под ними.

Оставаясь верным себе, Кутузов не желал придать битве характер решающего сражения, но при известии о тяжёлом поражении противника не мог удержаться от радости. «Это был один только случай, при котором я видел его пустившимся в галоп на белом мекленбургском коне своём,— сообщает А. А. Щербинин.— Он подскакал к колонне Преображенского полка и закричал «ура», которое повторилось из верной груди великанов». Показывая семёновцам взятые в плен наполеоновские знамёна с древками, увенчанными орлами, Кутузов приказал склонить их перед солдатами. В расположении 1-й гвардейской пехотной дивизии он увидел взятое знамя, на котором среди надписей побед выделялась надпись «Аустерлиц». «Что там,—спросил Кутузов,— Аустерлиц? Да, правда, жарко было и под Аустерлицем! Но омываю руки мои перед всем войском: неповинны они в крови аустерлицкой! Вот хотя бы и теперь, к слову, не далее как вчера я получил выговор за то, что капитанам гвардейских полков за Бородинское сражение дал бриллиантовые кресты в награду... Но ежели по совести разобрать, то теперь каждый не только старый солдат, но даже и последний ратник столько заслужили, что осыпь их алмазами, то они всё ещё не будут достаточно награждены. Ну, да что и говорить: истинная награда не в крестах или алмазах, а в совести нашей». Солдаты закричали: «Ура спасителю России!», и громкое «ура» понеслось и разлилось по всему войску!

«Столь неожиданный возглас тронул каждого из присутствующих, а Кутузова, конечно, больше всех,— рассказывает очевидец И. С. Жиркевич.— Он вдруг встал на скамейку и закричал: «Полноте, друзья, полноте! Не мне эта честь, а слава русскому солдату!» И потом, бросив вверх свою фуражку и сильно возвысив голос, закричал: «Ура! Ура! Ура! доброму русскому солдату!»

Между тем положение французской армии становилось всё более трагическим. Она уже приближалась к русской границе, когда в штабе Наполеона узнали, что армия Витгенштейна, охранявшая пути в Петербург, и южная армия,

во главе которой стоял в это время Чичагов, подходят к реке Березине, через которую предстояло переправиться беглецам, чтобы клещами зажать то, что осталось от армии завоевателя.

Положение армии до перехода через Березину было ужасно. Ещё страшнее картина, которую можно было наблюдать после переправы, с великим трудом осуществлённой Наполеоном. «Невольный ужас овладел нашими сердцами,— рассказывает русский офицер Мартес.— Представьте себе широкую извилистую реку, которая была, как только позволял видеть глаз, вся покрыта человеческими трупами; некоторые уже начинали замерзать. Здесь было царство смерти, которая блестела во всём её разрушении...»

После Березины начался последний акт катастрофы. Температура воздуха стала резко падать, дошла до -28° . Истощённые, обессиленные люди падали и замерзали. Те, кто попадал в плен, были похожи на обезумевших от голода и страха животных.

6 декабря, бросив измученных солдат и их командиров, Наполеон с небольшой свитой бежал в Париж.

Подгоняемые надеждой найти кров и пищу в Вильно, остатки армии напрягали последние усилия, чтобы добраться туда; но они и там не нашли спасения. Первые беспорядочные толпы французов добрались до Вильно 9 декабря, а части Нея — 13-го. Но к этому времени в предместьях уже действовали гнавшиеся за неприятелем казаки, и 14-го французы после некоторого сопротивления были вынуждены продолжать бегство.

Русские вступили в Вильно. Вскоре сюда прибыл Кутузов со своим штабом, а затем и император Александр.

Всего из 575-тысячной армии, вторгшейся в Россию (считая с её пополнениями), спаслось несколько менее 30 тысяч, но то, что можно было бы назвать «армией», составляло не более 1 тысячи человек.

Это было всё, что осталось от войска, считавшегося непобедимым, от армии, завоевавшей своему императору почти всю Европу и вторгнувшейся в Россию с намерением, о ко-

тором Наполеон говорил своим приближённым: «Я иду на Москву и в одно или два сражения всё покончу. Император Александр будет на коленях просить мира... Я обезоружу Россию...»

Война в России кончилась. Сбережённая Кутузовым армия подошла к границам способной к продолжению войны за русскими пределами,— войны за освобождение Европы, где ещё безраздельно владычествовал Наполеон.

21 декабря в городе Вильно главнокомандующий русскими армиями генерал-фельдмаршал Кутузов издал свой исторический приказ:

«Храбрые и победоносные войска. Наконец вы на границах империи. Каждый из вас есть спаситель отечества. Россия приветствует вас сим именем. Стремительное преследование неприятеля и необыкновенные труды, поднятые вами в сем быстром походе, изумляют все народы и приносят нам бессмертную славу. Не было ещё примера столь блистательных побед; два месяца с ряду руки ваши каждодневно карали злодеев. Путь их усеян трупами. Токмо в бегстве своём, сам вождь их не искал иного, кроме личного спасения. Смерть носилась в рядах неприятельских; тысячи падали разом и погибали. Не останавливаясь среди геройских подвигов, мы идём теперь далее. Пройдём границы и потщимся довершить поражение неприятеля на собственных полях его. Но не последуем примеру врагов наших в их буйстве и неистовствах, унижающих солдата. Они жгли дома наши, ругались святынею, и вы видели, как десница Вышнего праведно отмстила их нечестие. Будем великодушны, положим различие между врагом и мирным жителем. Справедливость и кротость в обхождении с обывателями покажет им ясно, что не порабощения их и не суетной славы мы желаем, но ищем освободить от бедствия и угнетений даже самые те народы, которые вооружились противу России».

В прокламации, выпущенной фельдмаршалом при переходе через Неман, он обещал «независимость и мир... всем народам, которые... оставят сторону Наполеона, следуя

единственно своей пользы». «Приглашаю их,— писал далее Кутузов,— воспользоваться счастливыми успехами, которые предоставлены им российскими войсками, и соединиться с нами для преследования врага, коего бессилие явствует из его поспешного бегства».

11 декабря русские заняли Тильзит, 14-го — Инстербург и Гумбинен, 15-го — Мемель, 25-го — Кёнигсберг, затем Эльбинг, Мариенбург, Мариенвердер, Диршау, Нейнбург, Бромберг, крепость Пиллау и 20 февраля вступили в Берлин, вновь проходя по путям, проторенным русскими солдатами во время Семилетней войны. Одновременно с этим была очищена Польша.

Заняв Франкфурт, армия перешла Одер и заняла всё пространство до Эльбы. «Русские победоносные знамёна внесены в Гамбург»,— доносил Кутузов 11 марта из Калаша. Накануне был взят Любек, 15 марта — Дрезден, через 5 дней — Лейпциг, в начале апреля — Торн; ключи всех этих городов и крепостей доставлялись в Петербург и передавались на хранение в Казанский собор.

«Хвала русским, терпением и ранами избавившим отечество своё от ига иноплеменного и утвердившим славу праотцов своими делами, бессмертной памяти достойными»,— заканчивает Кутузов своё донесение о взятии Гамбурга.

13 марта фельдмаршал обратился с воззванием к германским народам. «Мечтания о всеобщей монархии,— писал он,— истреблены непрерывными победами Российских армий... Прекрасная Франция, сильная сама по себе, пусть займётся внутренним своим благосостоянием. Покушения иноплемённых никогда не возмутят природных её границ. Но да будет и ей известно, что другие державы желают равномерно постоянного спокойствия для своих народов и что они не положат оружия, доколе не восстаноят и не утвердят прочным образом политической независимости всех государств в Европе».

Русские войска действовали уже в пределах империи Наполеона. Его вчерашние союзники бежали от него.

Прусский генерал Иорк, невзирая на возмущение и страх короля Фридриха-Вильгельма, будучи отрезан отрядом генерала Дибича, ещё в декабре фактически перешёл на сторону русских. Король, убедившись в полном поражении Наполеона, наконец тоже осмелился присоединиться к освободителям своего государства. Австрия, заключив перемирие, выжидала той же возможности. Империя Наполеона близилась к развалу, крах её был неминуем.

Но Кутузову не суждено было видеть её гибель, войти в Париж во главе своих войск. Здоровье его быстро ухудшалось. Он тяжело заболел и одиннадцать дней пролежал в постели в городе Бунцлау, в Силезии. 16 апреля 1813 г. в девять с половиной часов вечера он скончался на 68 году жизни.

Кутузов был народным героем, остался им также и в наши дни. Образ его в дни новой Отечественной войны стал ярче, ближе, понятнее нам, чем когда бы то ни было. Он служит нам примером высокого, беззаветного патриотизма, беспредельной любви к родине и образцом глубокой полководческой мудрости.

Пути к победе, показанные Кутузовым, просты и ясны. Основанием их служит сила духа русского народа. Народ непобедим, непобедима и армия, защищающая родную страну, преданная ей и готовая отдать свою жизнь за родину.

Сила Кутузова была прежде всего в теснейшей моральной связи его с массой народа и армии. Внимательно прислушиваясь к голосу войска, считаясь с ним, Кутузов, однако, не следовал ему рабски, а руководил армией, твёрдо вёл её за собой. Человек огромного мужества и сильной воли, Кутузов умел принимать на себя ответственность и за свои боевые решения и за жизни своих солдат. Он не пугался жертв, когда это было нужно, потому что без жертв не может быть победы, но он тщательно берёт жизнь каждого солдата, стремился добиться победы ценой минимальных потерь.

Подобно Суворову, Кутузов был великим мастером ма-
нёвра, тонким и глубоким стратегом. Он не только **побеж-**
дал, но побеждал ценой наименьших затрат.

Он любил и берёг свою армию, верил в неё. Он служил
России верно и мудро. Был плоть от плоти и кость от ко-
сти своей армии. Когда солдаты кричали ему: «Ура спаси-
телю России!», он отвечал: «Ура! Слава русскому солда-
ту!» Он говорил, что никто никогда не победит русского
народа, пока народ будет хранить в себе те черты, которые
с такой простой и величественной силой проступили в ве-
ликих испытаниях 1812 г.

Эти черты с ещё большей силой выявились теперь, в усло-
виях новой, ещё более грозной и тяжёлой борьбы с вра-
гом, пытающимся поработить нашу родину, и являются за-
логом того, что русский народ победит и разгромит врага
до конца в Великой отечественной войне так же, как и в
Отечественной войне 1812 г.

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
указанного здесь срока

76 кон.

68